

ЗАЛА 18.

ШКАФЪ 232.

ПОЛКА 1.

№ 10.

ЗАЛА 18.

ШКАФЪ 232.

ПОЛКА 1.

№ 10.

8344

АНАКРЕОНТЪ,

ИЛИ

МОГУЩЕСТВО

ЛЮБВИ.

МОСКВА,

въ Типографіи Пономарева.

1796 года.

2209

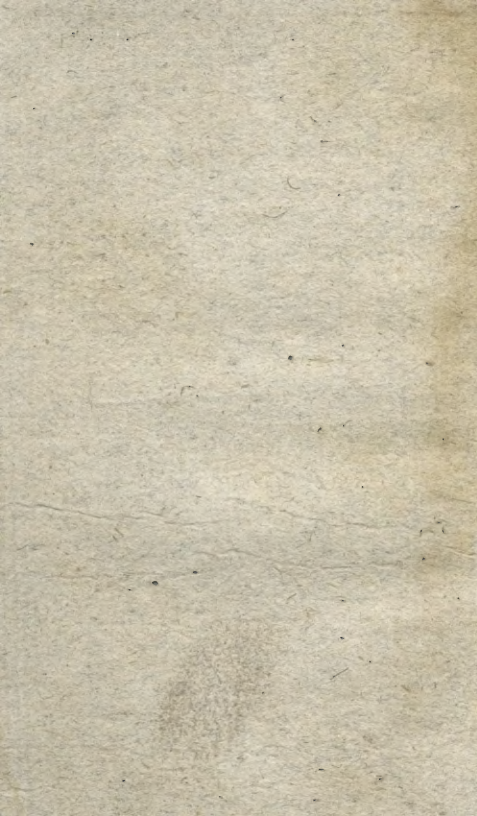

АНАКРЕОНТЪ,

или

МОГУЩЕСТВО ЛЮБВИ.

Градъ Мипилена утратилъ все его благоденствіе оиъ того времени, какъ образъ правительствва въ немъ премѣнился; Эрошы оплешѣли въ Циперу, и шрепещущія красоты зрѣли нѣжностіи ихъ похищаемы наперснниками царствовавшаго властолюбца, повинуюся единому шокмо страху. Любовь ничпо

иное была какъ грубое
вожделѣніе, коея пламень
мгновенно угасалъ послѣ
удовлетворенія, и упоенія
оной доснавлялись повсюду
цѣною злата.

Пиппакъ, единый изъ
седьми Любомудрцевъ Гре-
ческихъ, досшойный прейши
въ попомство, сменалъ отъ
злополучія опечесива своего,
принужденъ былъ скрывать
средства, кои могъ бы онъ
преподать ради восстанов-
ленія его благоденствія; но,
опасаяся жестокой за то
казни, предпріалъ удалиться
отъ Мишилены, и прибылъ
въ Делфы; гдѣ, по прие-
сеніи жершвъ во храмъ чипи-

маго Бога, начерталъ на
 снѣнахъ злключенія Миши-
 лены, и способы къ разсы-
 панію оныхъ. Вскорѣ Греція у-
 вѣдала о мучительномъ ски-
 птрѣ, подавляющемъ градъ
 сей, и вся Іонія на то возне-
 годовала. Цвѣтъ юношества
 града Лезбоса избралъ Пиш-
 шака вождемъ своимъ, коего
 славной пѣснопѣвецъ Алцей
 воспламенялъ паче рвеніе
 духа. Пиштакъ послѣ произ-
 несенія слова къ храбрымъ
 соращоборцамъ, направилъ
 съ ними пушъ къ Миши-
 ленѣ. Тщешно мучитель при
 приближеніи его, шщался про-
 шивуборснговать благород-
 ному стремленію онаго.

Единѣ, презрѣнный отѣ всѣхъ
и благополученѣ еще, что
могѣ спасшися бѣгствомѣ,
оспавающеиѣ Пишшака спокой-
нымѣ обладашелемѣ верхов-
ныя власти, преданной ему
жишелями града Мишилены;
но Пишшакѣ не сохранилѣ
оную долговременнѣе, колико
нужно то ему было, ради
возстановленія благоустрой-
ства и законовѣ. Когда мирѣ
твердо основался, художе-
ства и торговля воспріали
древнюю силу ихѣ, Пишшакѣ
призываетѣ Любомудра Эпи-
кура, и ошдѣляетѣ для учи-
лища его единѣ изѣ выгод-
нѣйшихѣ домовѣ во градѣ.
Роскошѣ и иѣги сѣ новымѣ

домовладыкою въ немъ водворились; и вскорѣ градъ Мишилена сталъ паки убѣжищемъ благополучія и забавъ. Питтакъ, возвращая тишину отечеству его, изложилъ безжалѣнія съ себя власнѣйшую верховную, воспріявшую шокмонмъ для содѣланія блаженства народу, и повергнулся во объятія Любомудрѣя, уединенія и ученія подруги.

Эпикуръ не достигнулъ еще девятой Олимпіады, когда прибылъ въ Мишилену, ради обученія науки бытъ благополучнымъ. Крошкое и пріятное лице, а паче сей умъ плѣняющій, которой и единъ способенъ привлечь

красоту, удосноиися любви
 оиѣ нѣжныя Имены, нѣ-
 коей изѣ прекраснѣйшихъ
 дѣвѣ Мкишиленскихъ. Оиѣ
 сихъ-шо любезныхъ узѣ кра-
 соты со оспроумѣмъ роди-
 лася Асшерія, опредѣленная
 Богомъ любви проявишь нѣ-
 когда свѣшу совершенное
 собою швореніе Природы.
 Имена пожелаала воздоевашь
 сама милаго сердцу ея мла-
 денца, и пріѣмъ на себя
 попеченія о драгоцѣнномъ
 семъ залогѣ обязанности ихъ
 взаимной. Въ нѣкій день про-
 гуливалась она въ роскош-
 ныхъ вершоградахъ Эпикуро-
 выхъ, сложила на мягкую
 мураву Асшерію, примѣня,

что сладкій сонъ смыкалъ
дѣтскія ея очи; возлегла
близъ лѣбезной своей дщери,
и устрема чадолѣбные взоры
на сей плодъ нѣжнѣйшій,
узрѣла въ древесной сѣни сод-
роганѣ всѣхъ бѣшвей; цвѣ-
щущіе лѣторасли, коими она
была окружена, пріѣли новой
блескъ, и казались склоняю-
щимися ко лицу Аспертіи;
крошкой Зефиръ помавалъ въ
воздухъ, и вливалъ въ Исме-
нину душу сладосирасную
томнось, коя, изображая ей
сбразъ Эпикуровъ, усугбляла
прелести возлюбленнаго мла-
денца, во обѣщаніяхъ Морфея
помрачающаго блескъ изни-
цающей розы. Въ это время,

когда она углублялася въ
 сладосныя сѣи воображенія,
 вдыхаемыя любовью и при-
 родою, сей Богъ плавалъ
 надъ сѣнію по зыбямъ воз-
 душнымъ. Онъ потрясъ свѣ-
 тильникъ, изъ коего горячай-
 шая искра ниспала въ сердце
 Асперіи, и услышался сла-
 досной гласъ сего Бога,
 вещающаго тако: „прекрасной
 „младенецъ котораго числѣй-
 „шій пламень мой на свѣтѣ
 „произраскилъ, одряю тебя
 „всѣмъ, чиню красота и пріят-
 „ности не имѣюшъ очарова-
 „тельнаго, и гредаю тебѣ
 „науку привлекашь сердца
 „человѣческія; но хочу дабы
 „живое сердце было воздая-

„нѣмѣ того, кто прево-
 „сходнѣе возѣмѣемѣ иску-
 „сство воспѣши владычеснво
 „мое „—

Присудствіе Купидона,
 придало всѣмѣ цвѣтамѣ но-
 вую свѣжеснъ и благоуханіе
 пріятнѣе амвры; Девеса
 преклонялись единае ко дру-
 гому, и пицы, сидящіе на
 зыблющихся вѣнчѣхѣ, воспѣ-
 вашъ преслали, чнобы вку-
 шаши увеселеніе сладоснѣй-
 шее. Купидонѣ, оплѣпая отѣ
 вершнградоеѣ Эпикуровыхѣ,
 осшавилѣ вѣ нихѣ роскошъ,
 вручивѣ ей множество стрѣлъ
 своихѣ, но единыхѣ сколь-
 зящихѣ шокмо по поверхно-

сти, коихъ уязвленіе никогда не бываетъ глубоко, ни долговременно. Имена, пришедъ паки въ себя опѣ сего очарованія, и воображая воспрянуши опѣ сна обольщательнаго, возложила на руку пробудившуюся тогда Ашерію, и повѣствовала Эпигуру о восхищеніи души ея. Чувствительной Любомудрецъ услаждался ея повѣствованіемъ, и печалѣлъ пламенные лобызанія на усахъ матери и дочери, желая имъ сего блаженнаго чувствованія души, коя, познавъ роскошнѣшу, умѣетъ сохранить внутреннее спокойствіе и среди бурь жизни.

Цитерской Богъ видя ,
 что солнце нисходило уже
 къ Фенидѣ, направилъ паре-
 ніе его къ роскошной пещерѣ
 сея Богини. Она паче укра-
 силась присудствіемъ пре-
 леснѣйшаго Купидона, такъ
 что Аполлонъ въ первой разъ
 воображалъ узрѣшь оную ;
 но вскорѣ избранной сонъ
 погрузилъ злешовласаго Бога
 дня въ обвѣяшія покоелюбиваго
 Морфея Купидонъ, ожидав-
 шій шокмо сего времени , и
 склоненъ будучи на хищенія,
 воспользовался искусно Апол-
 лоновой лирой , и воспарилъ
 въ Павосъ съ нею; повелѣлъ
 Граціямъ прибавишь къ оной
 новыя струны. Онъ самъ

присудствовалъ при сладчайшемъ ихъ спровѣ, и послѣ отлежалъ быспровѣ Феосѣ, гдѣ нѣжной Анакреонтѣ пѣснословилъ согласными звуками Венеру и ея сына, хотя уже бѣлымъ инеемъ начинала глава его покрываться. Сей любезной и сладостной Любоумрецѣ, по укрощеніи Поликрапова нрава, возвратился въ отечество свое. Благосостояніе позволяло ему распространять въ пріятномъ его жилищѣ изобиліе и забавы. Онъ зрѣлъ часто Граціевѣ, во убѣжищахъ прохладныхъ верпоградовъ своихъ отръшающихъ отъ чреслъ поясы, для плясанія

сѣ молодыми Эропами при
сїяніи сребровидныя Луны,
освѣщающей игры ихъ таин-
ственныхъ блескомъ. Сами
Музы, одолевая стыдливоспѣ,
казались присудспвїемъ одо-
бръть сладкоспрунные зву-
ки нѣжнаго Анакреонта Пѣ-
снопѣвецъ, возлегая сѣ роско-
шю на лиліяхъ и розахъ,
искалъ въ Феосѣ ради упо-
добленія имъ юныхъ красотъ.
Тщешно воображеніе его на-
черпывало прелести любез-
ныхъ градожилиельницъ. Пер-
спы возложенные на лирѣ,
сердце его въ предпочтенїи
колебалось, подобно яко
спранспвующій, зря разныя
спези, не доумѣваясь, кою

избравъ Купидонъ оскла-
 бляся ниспустился на Ана-
 креонново колѣно . О ты !
 любезной издавна сердцу
 моему, рѣкъ владыко Цитеры,
 оспавъ лиру твою, и прїи-
 ми наспроенную мною; воспой
 могущество Киприды и мое,
 ея сына. Я опредѣлю къ тебѣ
 нѣжную роскошь, и одѣря
 тебя крѣпостію лѣшѣ юныхъ,
 сокрою подѣ твоей сѣдиною
 науку быль прїятымъ. Из-
 гладь изъ воображенія образъ
 красоты, днесъ тебя упраж-
 няющей Я уготовляю тебѣ
 красоту достънѣйшую тво-
 его сердца и лиры; да при-
 творю волнующіяся желанія
 твои ко единому предмету.

Даю тебѣ колчанъ мой, гдѣ
 обрѣшешь легкія сіи стрѣлы;
 кои неглубоко уязвляющѣ;
 но брегу при нихъ единую,
 ошѣ коея уязвленіе долго-
 временнѣе бываешѣ. Послѣд-
 нія пѣснисловія твои толи-
 коже сладостныя, яко пѣніе
 лебедя Меандрова, воспро-
 славяшѣ могущесіво мое,
 и преидушѣ до позднѣйшаго
 пошомсѣва. Имя твое будешѣ
 славно по всей вселенной. Горе
 сердцамъ хладнымъ, кои не
 вкусяшѣ прѣшносшей пѣнія
 твоего! Тако рѣкъ Купидонъ,
 и нѣжно обლობязя милаго
 ему пѣсиопѣвца, возвысилъ
 надъ главою его; и воспріялъ
 по воздушнымъ зыбамъ об-

ратной путью къ Мишиленѣ. Анакреоншѣ послѣдовалъ взорами за нимѣ, сѣжъ я его; и первыя звуки лиры, полученной имѣ изъ рукъ Купидоновыхъ, были чувствительнѣйшая благодарность ему за дарованіе.

Юная Астерія, ища-
тельно воспѣваемая Эпи-
куромъ и Исменой, дости-
гала пятнадцати лѣтъ.
Подобная изнищающей розѣ
изъ зеленыхъ листьевъ еже-
дневно сія прелестная дѣва
открывала новые блески.
Чрезмѣрно иѣжная Сафо сла-
вила въ стихахъ прелести
Астеріи, и желала бытъ ея
другомъ; но сія привержен-

ность казалася ей излишне
 для дружбы пламенна и
 чужда для любви истинной.
 Токмо и слышно было о
 красотѣ Асперіеной. Бли-
 сшательнѣйш; юношество
 тщешно торѣло къ ней лк бо-
 вѣю. На мягкой корѣ древесѣ
 пополовыхѣ, распушихѣ на
 берегахѣ прозрачныхѣ исто-
 чниковѣ, имя Асперіи зрѣлося
 начертанно: но ниединѣ
 любитель не осмѣливался
 питанься упованіемѣ при-
 соединитъ свое ко оному.
 Купидонѣ, назирая безпреспан-
 но юную красоту сію, заба-
 влялся пусканіемѣ стрѣлъ,
 кои, проницая сердца досной-
 нѣйшихѣ жителей Града Ми-

шилены, не могли поразить
 ея сердца нечувствитель-
 ного къ мученію, ею рабае-
 мому. Фіонъ прекраснѣйшій
 изъ всѣхъ, привыкшій побѣ-
 дами краснѣ снисходитель-
 ныхъ, оснавая ихъ перемѣн-
 но для побѣдъ новыхъ, же-
 снокосердѣ былъ шокмо для
 единыя пѣснопѣвицы Сафо.
 Бесплодно пламенная спросишь
 сея сѣзныя дѣвы шцилась
 въ неблагодарнаго вдыхашъ
 искру огня, ея пожирающаго;
 шщешно Музы признавали
 ее любезною имѣ сестрою.
 Купидонъ произвелъ у ней
 въ сердцѣ желаніе любить;
 но отказалъ ей въ да ованіи
 нравишься. Отчаянная Сафо

низринулась въ морскія горь-
кія волны, и усугубила шѣмъ
коржество ея возлюбленнаго,
ушвердя его въ самомнѣніи,
что не могло бытъ красоты,
ему упорствующей. Градъ
Мишилена поздно узналъ
цѣну упраты стихотворицы
сей, коя нерѣдко была мра-
чною зависію гонима. [Се-
сть жребій высокихъ талан-
товъ, коихъ не прежде поз-
наютъ часно доспѣнство,
какъ уже лишаясь оныхъ!]
Для оправданія-шо себя въ
сей несправедливости, пове-
лѣно было правителями Ми-
шилеты усматривать празд-
нство въ честь знаме-
нитой дѣвы.

Въ опредѣнной для торжества день блистательнѣйшее града Мишилены юношество собралось во храмъ Аполлоновъ, одѣянные въ ризы лянаны бѣлизны чрезвычайной, держали въ рукахъ лавровые вѣтви, миррами переплетенныя. Фаонъ всѣмъ другимъ предсѣдуетъ; онъ весьма удаленный отъ прискорбія, мнитсѣ торжествовать надъ жертвою излишне ижныя къ нему Сафо. Закланы два лебедя бѣлѣйшіе снѣга, и юношество обоихъ половъ воспѣли округъ гробницы ея ликомъ согласные въ честь ей Гимны. Когда показалась

юная Асперія, зрѣлося тихое
шептаніе оной удивленія.
Одни уподобляли ее Флорѣ,
другіе Венерѣ; старѣйшины
починали ее Гебѣю, подъ
именемъ Асперіи низшедшей
съ Олимпа украсить сію
юдолю.

Фаонъ, пораженной стрѣ-
лою неизлѣчимою, послѣ
удивленія красотѣ ея, по-
чипилъ Асперію побѣды своея
за досшойную, и нашедъ
время удобное произносилъ
тиховѣ слухъ ея: —, я люблю
тебя, и готовъ пожертво-
вать тебѣ всѣми, кои мною
прельщаются. —, Асперія съ
веселымъ духомъ и безпри-
страстїемъ ему отвѣшество-

вала: — „совѣтую тебѣ Фаонѣ пользоваться своими побѣдами и не весьма уповать на побѣду моего сердца. — Не рождена ты для равнодушія прелестная Астерія; не вѣдаю, кого Богъ Любви мнѣ предназначаетъ: но что сей не ты, сердце мое мнѣ возвѣщаетъ! Фаонѣ, мало привыкшій къ такимъ ошвѣтамъ, взиралъ на Астерію съ гордою улыбкою, коя казалась говорящею: — всмолись прилѣжь къ вѣнцу прелестная Астерія, и не предпринимай нищезныхъ преодолѣній себя противъ любителя, коему Купидонъ покровительствуетъ. — Изрѣкшу ей, она пакн

приблизилась къ юнымъ своимъ подругамъ. Оставились разныя плясанія во храмѣ, гдѣ Фаонъ оказалъ всѣ пріятности его вида; но чрезмѣрно удивленъ былъ малымъ вниманіемъ къ нему онъ молодой красочны, пораженный стрѣлою кося, не познавалъ онъ до сего силы; искалъ случая вспрѣчьнѣся съ прелестною Асперію, не убѣгающею отъ него; ибо она слабости своей къ нему не спращилась. Веселоправіе извѣявало независимость ея сердца. Когда младыя ея подруги говорили ей о Фаонѣ, она смѣючись имъ отвѣчала: — „Непонятно мнѣ, какъ возмогъ,

„влюбленной сей въ самаго
 „себя человекѣ пленяшь мно-
 „гихъ дѣвъ прекрасныхъ!„ —
 Купидонъ находилъ удо-
 вольствіе ошмивать за
 презрѣніе снраси Спихо-
 творицы Сафо къ любилелю
 сему высокоумному хладно-
 кровіемъ къ нему Асперіи.

Эпикуръ съ нѣкогого вре-
 мени былъ во Аѣинахъ, и
 основалъ тамо училище сла-
 вное. Исмена пригошворялась
 со дщерію путешествовать
 къ оному; но прежде пред-
 приняла пребыть нѣсколько
 дней въ Феосѣ, въ коемъ
 родственниковъ она имѣла.
 Желаніе зрѣть и слышать

Анакреонша не мало содѣй-
 ствовало намѣренію сему,
 побуждая ее къ познанію
 нѣжнаго сего Любомудрца,
 коего Эроты разнесли по
 всей Греціи имя. Удаленіе
 Асшеріи погрузило прекра-
 сного Феона въ глубочайшую
 горестъ. Онъ, не находя твер-
 досни духа сносишь ошсупи-
 ствія любезной, прибылъ
 самъ въ Феосъ. Ни о чемъ
 болѣе тамъ было не слышно,
 кромѣ о прелесныхъ Асте-
 ріиныхъ. Отлещѣли роемъ
 по слѣдамъ ея Купидоны. Они
 соглашали каждое утро лиру
 Анакреонтову, и упражняли
 розовые персты свои въ
 разглаживаніи начинающихся

иомъ и сокровеннѣйшемъ мѣ-
 сцѣ верпоградовъ Анакреон-
 товыхъ воздвигнушъ сыль
 храмъ Любви, гдѣ зрѣлся
 Богъ сей, Граціями окружен-
 ный, изсѣченъ рукою Пракси-
 шеля. Слѣны храма одуще-
 влялися любовными упраж-
 неніями Боговъ. Тамо вели-
 чественный Юпитеръ прель-
 щалъ взоры чувствительныхъ
 къ нему Европы; инде роскош-
 ная Афродита упоевалась
 восторгами любви съ преле-
 стнымъ Адонисомъ; далѣе
 бодрой Алкидъ ликовалъ
 съ молодой Гебѣею; Венера и
 Аврора опрождали безсмер-
 тіе въ сущесства Анхиза и
 Тивона. Въ сѣн-то мѣста,

нече другихъ, удалялася прекрасная Ашерія. Ради чего, изрѣкала она, во священномъ убѣжищѣ семъ не изобразить бы прелесныхъ верпоградовъ сихъ обладателя? Безъ сомнѣнія лучъ божественной одушевленіи его плѣснословіе; оно удобно доспавишь безсмертіе предмету его продолжительному!

Фазнѣ, прибывъ въ Феосѣ, представленъ Анакреонту, которой срѣшилъ его съ ошкровойною вѣжливоспїю, ему свойственною. Онъ скоро позналъ спросишь его къ Ашеріи: но далеку отъ того,

дабы питать подлую рев-
 носшь; похваляя часно пре-
 дести Фаоновы. Ежели воз-
 можетъ онъ привлечь сердце
 къ себѣ божественной кра-
 соты, изрѣкаль, воздыхая
 нѣжной Любомудрецъ, жребій
 его уподобился участи без-
 смертныхъ; да и досподол-
 жно быть красотою цѣною
 юности привлекательной.
 Оны! Купидонъ, коего я не
 пресману пѣснословить до
 конца моей жизни, оставляя
 сердцу утѣху любви, не всего
 лишишь меня; но наснавленія
 твои, преходя въ потомство,
 проліютъ сладость влады-
 чества твоего. Сей полъ
 обворожающій, скипетръ,

коего средствомъ обладаешь
 ты, обезоруживъ суровыхъ
 чадъ Марсовыхъ, и лира,
 подаренная мнѣ тобою, пре-
 даваясь будешь изъ рукъ
 въ руки иѣжныхъ любителей
 къ прославленію могуще-
 ственной твоей власи.
 Между тѣмъ Асперія не
 выходила болѣе изъ дому
 Анакреонтова, коего иѣжныя
 ей услуги возобновлялись
 ежечасно. Пріятные верто-
 грады его для всѣхъ были
 отверсты, тамо любители
 клялися въ согласіи вза-
 имномъ, во ожиданіи прибли-
 жающагося шоржества Гиме-
 нѣева. Единый Фалонъ сие-
 наль отъ равнодушія Асперіи;

но жѣтя видѣль юную красоту
 сію, внимающую безпрестанно
 пѣвѣ Анакреоншовой, однако
 не терялъ упованія преодо-
 лѣть безъ труда своеврав-
 ную ея легкость. Скоро пред-
 назначали бышь торжеству
 Именѣву, и сей сладосный
 день во храмъ любви всег-
 да торжествовался. Каждой
 годъ двенадцать молодыхъ
 любовниковъ пришекали въ
 храмъ оной. Дѣвы, имѣя въ
 рукахъ миршове вѣнцы,
 розами переплешивые, возла-
 гали на главы любившей
 ихъ, егда Анакреонъ окан-
 чивалъ на лирѣ пѣніе свое.
 Торжество сіе послѣдовалось
 отъ Анакреонна вкусною

и обильною шрапезою, гдѣ
 сладоснѣйшія вины Гречес-
 кія изливались въ крис-
 тальные сосуды Обворожаю-
 щая чувства Мусикія и
 прелестное плясаніе окан-
 чивали день блаженный.
 Послѣ подѣ сѣнію ночи
 Купидоны возобновляли нѣж-
 ные воздыханія любитель
 благополучныхъ.

За одинъ день предѣ
 торжествомъ онымъ углу-
 бленная въ воображеніе Асте-
 рія о произшествіяхъ дня
 грядущаго, переходила разные
 сѣни Анакреонтова верто-
 града; примѣнила сквозь
 густыхъ листьевъ Фаона, пре-

клоненнаго къ водомѣту подобно Нарциссу, во снруяхъ прозрачныхъ влюбляющемуся въ красину свою. Онъ, приправляя власы его бѣлокурые, мнилсѣ шако изрѣкающимъ:— „она недовольно всмошрѣласъ въ меня; на упріе увидитъ при шоржествѣ; и я гошоваю ей вѣнецъ, которой она непременно возвращитъ на главу мою., — Асперія въ другую снрану снопы ея направила, и оставила Фаона удивляться самому себѣ, презирая его киченіе, знаемое ею въ немъ издавна; шесшвовала въ мѣста вершюграда, менѣе посѣщаемыя, подъ густую шѣнь древесъ,

верьхами переплетающихся,
 гдѣ окресиѣ корней ихъ
 розы и ясины благовоніе
 износили. Купидонъ плавалъ
 въ воздухѣ надъ нею, и
 сош, ясалъ изъ свѣтильника
 пламенные искры въ сердце
 молодой Астеріи, съ восхи-
 щеніемъ внемлющей гласамъ
 птицъ различныхъ, коихъ
 присутствіе сладчайшаго сего
 Бога къ пѣнію возбуждало.
 Но скоро она внимашъ имъ
 пресшла, обраша слухъ къ
 единей густѣйшей сѣни,
 откуда исходили звуки лиры
 зашоспирунной въ согласіи
 Анакреонтовыхъ пѣсней. Пѣ-
 снопѣвецъ, мня наединѣ быть,
 гласилъ тако:

Роскошна сладостна на
 свѣтъ,
 Любовь, владычица сердецъ!
 Да зрѣлыхъ лѣтъ еще во
 цвѣтъ
 Сплещу тебѣ похвалъ вѣнецъ.
 Любовь, тебѣ хвала при-
 снойна
 Ты лавровъ, ты вѣнцевъ
 достойна;
 Восторгомъ душу наполняешь,
 Ты чувства нѣгою томишь,
 Мерявишь, и купно жи-
 вляешь
 Забыться смертному велишь,
 Въ объятяхъ Асперіи; стра-
 стной,
 Разумной, нѣжной, и пре-
 красной!
 Видѣ, пышна кедроваго древа

Изображаетъ ея грудь;
 Не дерзость на челѣ, нѣтъ
 гнѣва,

Но кротость, тихость, въ
 сердце пусть,

Глаза ея владыки само-
 власны;

Горящъ они какъ звѣзды
 ясны!

Спуская взоръ мой обольщен-
 ный

Къ подвижнымъ бѣлымъ
 двумъ столпамъ,

Между которыхъ шумъ свя-
 щенный

Въ тѣни Гебеновъ зрится
 храмъ;

Надъ нимъ сплешены вьются
 лозы

Цвѣтущъ и лиліи и розы.

Таковъ почти былъ
 смыслъ сихъ стиховъ Ана-
 креонтовыхъ: но коихъ пре-
 ложеніе едва удобно изра-
 зить все по достоинству
 впечатлѣваемыхъ Купидо-
 номъ, въ сердце юныя Аспе-
 рїи, лїны пѣснопѣвца ума-
 ляющагося ежедневно предъ
 глазами ея; мнѣ зрѣши
 во образъ сего нѣкоего бога,
 которому благоугодно подъ
 начинающимся снѣгомъ, ша-
 нить огнь юности жарчай-
 шей. Преставшу воспѣваши
 Анакреону, Асперїя чаешь
 еще ему внимати, и удаля-
 яся оиъ возделенной сѣни
 обращаетъ лице къ ней много-
 крашно. Купидонъ плаваешь

надѣ главою ея по зыбамъ
 воздушныхъ, и повшоряемъ
 въ душѣ ея согласіе пѣсно-
 пѣвца. Въ нѣдрахъ ноши за-
 тихимъ вечеромъ грядущей
 тысящи лѣсныхъ сновидѣній,
 изображающъ Асперіи
 счастливе любви, и бышь
 любимой; изображающъ ей
 Фаона, подобна зыблющейся
 блѣдножелшья зелени про-
 сти, коея преклоненная вы
 едва держашися можете.
 Тогда, какъ Анакреонъ, яко
 древней дубъ; лѣса Додон-
 ского, мнился быти покро-
 ви пелемъ нѣжнымъ цвѣтамъ
 изницающимъ подъ его шѣнью,
 и усугубляющимъ блескъ
 оныхъ.

Между шѣмъ златовидное сіяніе Авроры являлося на горизонтѣ, и возвѣщало день прекрасной. Каждой любовникъ поспѣшалъ препроводити къ юнымъ дѣвамъ вѣнецъ Гименей, Фаонъ не умѣдливъ послати отъ себя единъ ко Асперіи; онъ упражнялся нѣсколько часовъ во убранствахъ себя богатѣйшими нарядами, и умащивати нѣла благовоніями. Егда время торжественствованію приближилось, и жрецовъ Гименеевымъ возвѣщено было: тогда любовники въ предшествіи кумиропослуживелей облеченныя въ вѣлѣнныя коризы сѣси, на два ряда

устроились; единѣ изѣ жрецовѣ, держалѣ полную кошницу голубей бѣлѣйшихѣ снѣга; обычѣ былѣ освобождашь оныхѣ изѣ плѣна, при входѣ въ храмѣ сей; гдѣ каждая чета расхаживая и воркуя какѣ будиго говорила любителямѣ; послѣдуйше примѣ у и нѣжности нашей. У врашѣ верхогрядовѣ. Анакроническихѣ вошумѣло сладостное пѣнѣ Имновѣ, богамѣ любви, и бракосочетанія. Толпа благобразныхѣ обоего полу опроковѣ съ невинностью злыхѣ временѣ славили чувствованіи вдыхаемые любовью и природою; тысящи пищѣ присоединили

но сладкопѣнію свои гласѣ;
 дреvesа преклонили въ швіи
 единое ко другому: все-могу-
 щесшвомъ Цилперскаго бога
 являлося одушевленно' при
 всшупленіи во храмъ, люби-
 шели сосшавили изъ себя
 полукружїе окресшъ жершвен-
 ника его. Анакреоншъ, сшоя-
 щій одесную Першвосшящен-
 ника воспѣлъ гимнъ своего
 шворенія, соглася пѣніе съ
 лирою, насшроенной самимъ
 Купидономъ, шогда, какъ
 богъ любви, лобызаясь съ
 Граціями, и держа за десницу
 прелѣсшную роскошь, про-
 сшпирался надъ главами лю-
 бишелей, и сыпалъ на нихъ
 изъ свѣщильника своего но-

искры. Единый шокмѣ Фаонѣ мало чувствовалѣ дѣяшельности оныхъ, упражненѣ будучи болѣе побѣдою предполагаемой, видя вѣнецъ его въ рукахъ Астеріи, нежели желаніемъ любви ея безпрерывно.

Между шѣмъ скончавшу Анакреоншу священной Гимнѣ: верховной жрицѣ подалѣ молодымъ дѣвамъ знакъ, подшунивъ съ крошечною для увѣнчанія возлюбленныхъ своихъ; Астерія и жде встѣхъ возвысаясь смирительно на ошени жертвенника, взложила вѣнецъ ея на главу Анакреоншину Пріими, изрѣкла ему, сей вѣнецъ, предла-

гаемой нѣжнымъ дружеспвомъ
и любовію пламенной; подо-
бна Гедеръ нравъ, округъ
древа обвивающейся, единая
смерть оплучишь меня отъ
тебя возможенъ. Все собраніе
во первыхъ удивленное окон-
чало явленіе восклицаніемъ.
Единъ Фаонъ униженной,
изъ храма исходящъ, и вле-
чешся со опчальніемъ во градъ
Митилену. Вскорѣ прои-
шествіе его извѣстно спало
всенародно; мрачная гореснь
опверзла ему двери гроба;
и тѣнь его нисшедшая въ-
поля Елисейскія, узрѣла пѣ-
снопѣвицу Сафо, спокойно
бесѣдующую съ Гомеромъ и
Гезіодомъ. Сія десящая муза

смотрѣла уже равнодушно
на Фаона; надмѣнкой и вы-
сокомѣрной любитель учи-
нился скоропечностію подо-
бенъ лиспу весеннему, ко-
торой мгновенную жокмо
память о процвѣпаніи сво-
емъ ославляетъ.

К О Н Е Ц Ъ

Мезяц, 1951

